

УДК 159.9.01

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-126-135

Метапарадигма духовности в методологии юридической психологии **С. В. КОВАЛЕВ** – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам;**Н. С. ОБОТУРОВА** – профессор кафедры истории и философии ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;**А. М. ЧИРКОВ** – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Реферат

Статья посвящена анализу развития теоретико-методологического фундамента юридической психологии. Рассматривается своеобразие феноменологии юриди-ко-психологической реальности, обосновывается важность философского подхода к созданию новой общенаучной и специфической методологии на основе целостного учения о человеке. Прослеживаются последствия всеобщего кризиса культуры и пропаганды идей трансгуманизма в виде формирования нового типа преступника, обладающего особой формой безнравственности – деструктивной духовности. Показана значимость современной философии в развитии методологических основ юридической психологии для рассмотрения многоуровневой организации изучаемой действительности, структуры внутреннего мира субъекта и изучения человека в правонарушителе, свидетеле, потерпевшем. На основе осмысления существующей реальности и понимания нравственности современного человека обсуждаются задачи, стоящие перед гуманитарными науками, и обосновывается актуальность создания антропологической теории и практики становления собственно человеческого в человеке. Анализируется методологический потенциал постнеклассической философии и психологии, рассматриваются вопросы их взаимодействия на современном этапе развития науки. В рамках междисциплинарного подхода анализируются сущность и содержание дискурсов духовности и нравственности человека. Конституируется понятие «психологические метапарадигмы», предлагается авторский взгляд на значимость и приоритетность использования в методологии юридической психологии базовой парадигмы – метапарадигмы духовности. Раскрывается содержание разработанной парадигмы, предлагаются к рассмотрению определения духовности и нравственности, артикулируемые в теории нравственного богословия.

Ключевые слова: юридическая психология; методология юридической психологии; кризис культуры; преступность; духовная дефицитарность; деструктивная духовность; постнеклассическая наука; философия; психология; антропология; философская антропология; философские основания; онтология; междисциплинарные исследования; познаваемая реальность; метапсихологические теории; метапарадигмы; субъективная реальность; внутренний мир; сознание; духовность; принцип иерархичности; религия; нравственное богословие.

19.00.06 – Юридическая психология

Metaparadigma of spirituality in the methodology of legal psychology

S. V. KOVALEV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

N. S. OBOTUROVA – Professor of the Department of History and Philosophy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety;

A. M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety

Abstract

The article is devoted to the analysis of the development of the theoretical and methodological foundation of legal psychology. The originality of the phenomenology of the legal-psychological reality is considered, the importance of the philosophical approach to the creation of a new general scientific and specific methodology based on the holistic teaching about a person is substantiated. The consequences of the general crisis of culture and the propaganda of transhumanism ideas are traced in the form of the formation of a new type of criminal with a special form of immorality - destructive spirituality. The importance of modern philosophy in the development of the methodological foundations of legal psychology for considering the multi-level organization of the studied reality, the structure of the inner world of the subject and the study of the person in the offender, the witness, the victim. On the basis of comprehension of the existing reality and understanding of the morality of modern man, the tasks facing the humanities are discussed, and the relevance of creating an anthropological theory and practice of becoming human in a human being is substantiated. The methodological potential of post-non-classical

philosophy and psychology is analyzed, the issues of their interaction at the present stage of the development of science are considered. Within the framework of an interdisciplinary approach, the essence and content of discourses of spirituality and morality of a person are analyzed. The concept of "psychological metaparadigms" is constituted, the author's view is suggested on the significance and priority of using the basic paradigm in the methodology of legal psychology - the metaparadigm of spirituality. The content of the developed paradigm is revealed, the definitions of spirituality and morality, articulated in the theory of moral theology, are offered for consideration.

Key words: legal psychology; methodology of legal psychology; cultural crisis; crime; spiritual deficiency; destructive spirituality; post-classical science; philosophy; psychology; anthropology; philosophical anthropology; philosophical foundations; ontology; interdisciplinary research; cognizable reality; metapsychological theories; metaparadigms; subjective reality; inner world; consciousness; spirituality; hierarchy principle; religion; moral theology.

19.00.06 – Legal psychology

С позиции философского апофатизма методология любой области науки, в частности юридической психологии, не является особым разделом науки, философией, теорией, системой или сетевой структурой принципов, методом научного познания, правилами и практикой построения гипотез, способом регуляции взглядов на теоретические основы исследуемых явлений, инструментом организации и практикой юридико-психологической деятельности и т. д., но, обладая особым статусом науки, содержит в себе все перечисленное. Методология юридической психологии должна содержать совокупность научно-практических знаний, необходимых для раскрытия природы криминального поведения, решения широкого континуума проблем в области не только криминальной психологии, но и юриспруденции, а также обеспечения психологической безопасности государства. Являясь прикладной (соподчиненной) областью методологии общей психологии и философии, она определяет развитие наиболее перспективных научно-практических направлений юридической, криминальной и пенитенциарной психологии. Как указывает Д. В. Сочивко, методологический анализ в этом разделе психологии выходит за рамки компетенций специалистов, поскольку находится за предельной гранью понимания психики человека, где заканчивается морально-нравственное и начинается криминальное поведение в социуме [18].

Практика юридической психологии воплощает огромный опыт эмпирического и научного познания действительности и значительно шире имеющихся в академической науке теоретических представлений о внутреннем мире человека. Вместе с тем отставание в развитии теоретико-методологических основ и попытки построения теоретического фундамента в ракурсе за-

падно ориентированной психологии на базе идеологии либеральных ценностей существенно снижают ее научный потенциал, о чем свидетельствует низкая эффективность деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы [14]. Учитывая своеобразие феноменологии юридико-психологической реальности, для решения ее стратегических задач необходимо дальнейшее развитие собственной общенаучной и специфической методологии (первого и второго уровней) на основе целостного учения о человеке. Это касается разработки и создания новых теоретических подходов к пониманию психологического своеобразие изучаемых юридических явлений, углубленного анализа личности как субъекта деятельности и, прежде всего, исследования человека в правонарушителе, свидетеле, потерпевшем.

Философское обеспечение становления теоретического фундамента юридической психологии открывает перспективы определения основной зоны ближайшего развития ее методологии, вписывания психического в научную картину мира, выработки определения и понимания внутреннего мира человека на основе традиционной культуры и конструирования соответствующего ей предметного пространства психологии, определения ориентиров и магистральных задач обеспечения интеграции различных потоков психологического знания на основе междисциплинарных исследований и т. д. Поскольку психология пошла преимущественно по пути дифференциации целого, анализа частей и их связей друг с другом, то философско-антропологический подход обосновывает использование в качестве важнейшего принципа системного анализа науки и его развития в постнеклассической психологии – принципа иерархичности. Это позволит глубже рассматривать

многоуровневую организацию изучаемой действительности, структуру внутреннего мира субъекта и предоставит возможность сосредоточить исследование на качественно определенном своеобразном явлении. Изучение человека в этом контексте противостоит основным ошибочным тенденциям – функционализму (упрощенному схематическому представлению о том, что психическая деятельность протекает как сумма отдельных, локальных психических актов), биологическому редукционизму и трансгуманизму (размыванию и элиминации истинных духовных ценностей человека). Актуальным становится системный пересмотр философско-психологических и других теоретических подходов, постулатов и идей, определяющих методологический аппарат юридической психологии, идущей по пути взаимодействия с философией, юриспруденцией, психологией и рядом других гуманитарных наук. При этом дальнейшее развитие методологии юридической психологии на основе соответствия ее базовой парадигмы традиционной антропологической модальности позволит не только установить психологические закономерности деятельности и личности человека в области правового регулирования и разработать практические рекомендации по повышению эффективности правоприменительной деятельности, но и выделить психологические феномены, а также внутренние предпосылки криминогенного поведения человека.

Несмотря на имеющиеся теории и гипотезы преступного поведения человека, до сих пор отсутствует согласованность в понимании сущности и причин данной социальной патологии, истинная ее природа остается не раскрытой. Теории преступного поведения отражают, как правило, научную идеологию и парадигмы, на основе которых они создавались. Так, социологические теории связывают феномен преступности с особенностями устройства социума, медико-биологические – с наследственностью, психическими расстройствами и аномалиями развития, социально-психологические – со стрессом, дефицитностью развития и образования и т. д. Развиваемые при этом подходы к исследованию природы криминального поведения человека основываются преимущественно на рациональном научном понимании человеческой природы. Сама же рациональность, как указывает В. А. Лекторский, представляется дискуссионной философской проблемой: один полюс при этом образует ее отрицание в целепо-

лаганиях человека вследствие его иррациональной природы, а другой – ее законное право в дальнейшем постмодернистском уничтожении личности при создании «нового» человека. Анализ проблем современной научной мысли указывает на наличие плавающей (скользящей) границы научного и ненаучного, когда отвергнутые ранее теории и положения вновь получают подтверждение и становятся источником развития [15].

Еще в древние времена была обнаружена тесная взаимосвязь врожденных качеств и характерологических особенностей преступника с духовностью и культурой формирующей его социальной среды. Всеобщий кризис культуры создает новый тип преступника, обладающего особой формой безнравственности в виде деструктивной духовности [20]. Об этом вслед за Ю. А. Алферовым пишет Е. В. Черносвитов, считая, что в целом ряде случаев имеет место не столько педагогическая и воспитательная запущенность, сколько наследственная форма появления преступной личности, которая отличается от личности преступника фатальной необратимостью психических и социальных форм патологии [23]. О явном неблагополучии внутреннего мира большинства осужденных подростков, совершивших тяжелые преступления, свидетельствует тот известный факт, что, сожалея о случившемся, они не испытывают чувства вины и не считают содеянное тяжким преступлением. Падению нравственности способствует усиление десакрализации, сопровождающейся утратой духовных ценностей, устоев и традиций культуры народов нашего государства. Системный характер разрушения нравственности ставит человечество на грань выживания, и первоочередной задачей, стоящей перед гуманитарными науками, является осмысление существующей реальности, понимание внутреннего мира современного человека и пространства его жизни [21]. Идеологический плюрализм превратился в хаос, а выдвижение западных ценностей в качестве общечеловеческого идеала дополняет картину нравственной деградации населения России и грозит потерей суверенитета, тем более что сам Запад переживает глубокий исторически обоснованный кризис. Коренной ошибкой западной культуры, следующей в фарватере американской политики, является принятие постулатов философии и мировоззрения прагматизма, беспредельно расширяющих права и сужающих обязанности человека [21].

Психологи, философы и другие исследователи (Ю. М. Антонян, Ф. К. Василюк, В. М. Поздняков, Д. В. Сочивко, Б. С. Братусь, В. И. Слободчиков, А. М. Чирков) считают, что процесс нравственного падения человека указывает на антропологический кризис, приобретающий решающую роль в глобальной динамике современного мира. В этой связи европейским трансгуманистским моделям человека современная психология должна противопоставить антропологическую теорию и практику становления собственно человеческого в человеке. Для выбора базовой, в первую очередь философской, парадигмы, методологии юридической психологии необходимы реализация междисциплинарного подхода с опорой на логику развития, поиск идейных предпосылок, их анализ в различных областях науки и оформление этих идей на постнеклассической основе. Прослеживание идейных связей между естественно-научными дисциплинами, философскими школами, психологией и другим гуманитарным знанием является основанием выбора базовой научной парадигмы, которая должна соответствовать истинной природе, ценностям и цели человека, исследуемым в контексте задач общей и юридической психологии. Решение этой актуальной проблемы позволит не только продвинуться в понимании природы преступного поведения, но и приблизиться к постижению бытия современного человека с позиций традиционной культуры наших народов. Методология юридической психологии должна при этом выступить флагманом достижения психологической безопасности нашего государства в сфере превенции падения нравственности, воспитания духовности подрастающего поколения и минимизации криминального поведения.

Исследование причин возникновения криминального поведения приобретало особую актуальность в периоды перелома формаций, кризисов и глубоких исторически значимых преобразований цивилизационной природы. Несмотря на тот факт, что повышение уровня преступности на этих этапах имеет многофакторную характеристику, оно открывает возможности для поиска путей выявления главной причины разрушения нравственности. Многогранный психологический опыт изучения макропсихологических изменений внутреннего мира делинквента указывает на духовную дефицитность последнего, что, в свою очередь, обосновывает важность раскрытия таких констант внутреннего мира человека,

как духовность, сознание, нравственность, совесть и т. д. [17; 13]. Многовековое исследование субъективного мира человека с позиций различных школ философии не смогло раскрыть их природу. Так, Ж. Деррида указывал, что в противоположность эпистемическому дискурсу структуральный мифологический дискурс сам должен быть мифоморфным, тем самым отрицая значимость и существование философской мысли. Преодоление кризиса философского анализа психики человека, по мнению В. С. Степина, становится возможным на постнеклассическом этапе развития науки. Открытие новой реальности и создание особого способа ее описания объединяет естественные науки и науки о Духе [19]. В постнеклассической науке произошел полный отказ от традиционных детерминистических представлений о мироустройстве, а центром сближения естественных и гуманитарных наук стал сам человек, его внутренний, духовный мир.

В постнеклассической философии впервые самостоятельную проблематику составили проблемы метафизики: бытие и реальность, сущность и существование, онтология сознания, религиозные основы научного познания, взаимоотношения трансцендентального и символического и т. д. В этой связи использование идей постнеклассической философии в юридической методологии позволит осуществить конструктивную критику научного знания с точки зрения традиционных ценностей религии и культуры, а также даст мировоззренческую интерпретацию результатов этой методологии. Становясь неотъемлемой частью мировоззрения психолога, методология постнеклассической философии не только определяет постановку исследовательских и практических задач, но и задает наиболее существенные мировоззренческие предпосылки для анализа внутреннего мира человека. Занимая центральное место в системе знания – треугольнике, образованном естественно-научными и гуманитарными дисциплинами, имея самый сложный объект исследования (где объект и субъект исследования совпадают, а все психические явления или феномены полидетерминированны), психология требует особого внимания к методологическим проблемам. Следует отметить, что философский подход к методологии психологии в целом на современном этапе развития науки остается во многом не разработанным, вследствие чего остаются нерешенными многие насущные проблемы. К таковым от-

носятся субъективизм получаемых знаний, недоступность внешнему наблюдению психических феноменов, состояний и их непрерывное изменение, связь получаемых и транслируемых психологом знаний с его личностными и моральными компонентами, отсутствие содержательного анализа и наличие разнородных и противоречивых теорий и концепций и т. д.

В постнеклассической науке преодолено негативистское отношение к научным достижениям прошлого, и психология ассимилирует религиозное знание и достижения духовных практик. Для отечественной постнеклассической философской психологии характерно также активное освоение философских идей, высказанных писателями, поэтами, художниками, то есть развитие своеобразной философской психологии в виде поэтической антропологии. Главной тенденцией постнеклассической психологии явилось создание глобальных парадигм (гносеологической, феноменологической, деятельностной, экзистенциальной и др.) как совокупностей методологических установок, возникающих на определенной философской основе, – метапарадигм. Каждая парадигма имеет свои преимущества, что не позволяет полностью отказаться от какой-либо из них [3]. Современная прикладная психология во многом опирается на собственную парадигму, которая определяется в литературе как инструментально-технологическая. Такие методологические инструменты анализа обычно используются в педагогических, социальных, психологических, медицинских и других видах практики. В определенных границах они могут быть весьма эффективными и, по мнению Л. И. Воробьевой, опираются на понятие нормы как некоего условного человеческого стандарта. Одной из относительно новых философско-психологических метапарадигм явилась парадигма сознания и духовности, постулирующая определяющую роль духовности человека в формировании нравственности, мировоззрения и устойчивости к стрессу [1]. С позиций этой парадигмы, построенной на метафилософском уровне с привлечением теорий сознания, постнеклассической психологии, психофизиологической теории функциональных систем П. К. Анохина, теории и практики нравственного богословия и достижений постнеклассической науки, предпринята попытка раскрытия природы психических личностных расстройств, девиантного и делинквентного поведения человека.

Дальнейшему развитию идеи духовности и ее рассмотрению в качестве базовой парадигмы постнеклассической науки служит философское осмысление единства объективного мира и мира человека. При этом основные положения философии постнеклассического типа рациональности связаны с поворотом эпистемологической парадигмы – антропологического и лингвистического мышления – в сторону междисциплинарного дискурса, а философская антропология на этой же основе приближается к пониманию природы духовности человека [12]. Но несмотря на все попытки ее исследования, она до сих пор не получила адекватного определения. И если в философской литературе преодолен грубый материализм в трактовке духовности как «функции высокоорганизованной материи, материальной, общественно-исторической практики людей» [8], то новая ее трактовка как «совокупности средств и свойств, позволяющих человеку полноценно существовать в мире культуры, религии, нравственности, искусства, философии» [2, с. 88] поверхностна и лишена внутреннего содержания. Определяющее для юридической психологии понятие нравственности в энциклопедическом философском словаре все еще представлено так: «система нормативных предписаний, стоящих на страже таких универсальных ценностей существования, как жизнь, свобода и достоинство каждого человека, независимо от его принадлежности к какой-либо из общностей или положения внутри системы социальной иерархии» [2, с. 157]. Данная дефиниция неудовлетворительна вследствие неопределенности и отвлеченности понятий «универсальные ценности», «жизнь», «свобода», «добро». В отличие от этого христианские мыслители всегда обращались к более глубокому рассмотрению основных категорий нравственности (морали): добра и зла, свободы и ответственности, совести, долга, вины, стыда и т. д. В их работах под духовностью понимается уникальное сочетание высших элементов сознания и души, устремление к обретению смысла жизни, нравственности и творчеству, поиску Истины, осознанию необходимости связи с трансцендентным началом [5; 9].

Многие авторы считают, что исследование духовности выходит за пределы человеческого опыта, и рассматривают ее в качестве высокоэнергетической матрицы, находящейся в сфере трансцендентной сущности. В противовес этому А. Я. Канапацкий утверждает, что уникальность человеческой духовности

может быть осмыслена с философской точки зрения и сложность ее познания связана с отсутствием философского осмысления образа человека и отрывом духовности от ее онтологических сущностных оснований. Он отмечает, что Дух, обнаруживаясь только в феноменологии внутренней жизни индивида и созерцании сверхчувственного, самых неисповедимых глубинах человеческой души, находится за пределами научной рациональности, и это требует для его постижения соответствующих познавательных средств [7]. Так, способом философского постижения духовности явилась метатеория, созданная М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским при исследовании сознания [11]. Ее методологические принципы относят к классу универсальных, постулирующих положение, согласно которому сознание и другие феномены внутреннего мира могут быть лишь метаобъектами (квазиобъектами). Позиция исследователя по отношению к ним не позволяет их эксплицировать и рассматривать как проблему, а дает возможность только описывать и интерпретировать как нечто, что может быть понятым как сознательный или духовный опыт. Философия М. К. Мамардашвили представляет собой сложную целостность, включающую в себя экзистенциальную сотериологию и, что особенно важно для юридической психологии, философскую танатологию. Понятие смерти у М. К. Мамардашвили основывается на фундаментальном отсутствии, которое понимается как состояние неосознавания себя, следствием чего является духовная и философская смерть субъекта в мире отсутствия мысли о бытии.

Выстраивая философию отсутствующего сознания, М. К. Мамардашвили утверждает, что сознание есть у человека как психофизический феномен биологического существа, но оно мертво без мысли, как мертв субъект, то есть такая смерть участвует в самой жизни, а не наступает после нее [10]. Философская танатология М. К. Мамардашвили преобразует экзистенциальный подход к человеку, сообщая «смерти предельный символический смысл, тот, который предполагается в религиозном понятии “вечной гибели”, и... выдвигает этот символ смерти в описании самой длящейся земной жизни» [16, с. 185]. Люди могут умирать уже при жизни, и смерть прежде смерти – это самое страшное, что может произойти с человеком, по мнению М. К. Мамардашвили. Под смертью при жизни он понимал выморочное состояние, в котором

человек может пребывать десятилетиями и которое сопровождается приступами агониального жизнеощущения. При этом М. К. Мамардашвили подчеркивал, что за смерть при жизни, наступающую по нашей собственной вине, приходится расплачиваться недостижимостью смерти как итога человеческого земного бытия. Он отмечал, что философия личного спасения основана на предположении, что жизнь, в которой мы рождаемся, построена так, что приходится спасаться, проделывать специальный путь, делать что-то с собой, чтобы вырваться из обыденного кругооборота, который сам по себе абсурден, случаен [10]. В русле этого подхода исследования сознания и других психических квазиобъектов осуществлял В. П. Зинченко, указывавший на иерархичность развития сознания и наличие его высшего уровня – духовного слоя [4].

Главной чертой актуальных философских метатеорий духовности является рефлексия, но не над результатами духовной и материальной деятельности человека, а над научным и философским пониманием реального и идеального, которые в современной философии начинают сближаться. В постнеклассической философии подходы к исследованию духовности в целом сохраняют традиции ее анализа, конституируя онтологические, гносеологические, аксиологические и другие основания как ипостаси сущности человека и его бытия. Этическое толкование понятий Духа и духовности при этом уступает место философско-антропологическим и нравственно-богословским трактовкам. Сходную с представителями философской науки позицию в осмыслении духовности занимают и целый ряд отечественных психологов: Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, И. М. Ильичева, В. И. Слободчиков, Д. В. Сочивко, Л. Ф. Шеховская, Ю. М. Зенько и др. Они считают, что ядро личности связано с ее высшим психическим качеством – духовностью, которая есть проявление сущности человека, его внутренняя приверженность нравственному долгу, сфера взаимоотношений человека с трансцендентным, подчиненность высшему смыслу его бытия и т. д. [6]. Следовательно, в философии и психологии духовность сегодня рассматривается как фундаментальное, основополагающее качество человека, стремление личности к высшему началу, как выход за пределы замкнутого феноменального мира, как неотъемлемое имманентное богатство и многомерность бытия человека. Это соответствует взглядам хри-

стианских мыслителей России, таких как В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, А. И. Введенский, В. Н. Лосский и др., указывающих на универсальность духовности, ее регулируемую по отношению к нравственности, совести и поведению роль. И. А. Ильин усматривал разрушающие и катастрофические последствия бездуховности в социальной деградации, катастрофах и братоубийственных войнах [5].

Философская антропология свидетельствует о важности обращения к такому фундаментальному компоненту внутреннего мира человека, как духовное бытие, на основе анализа и обогащения его содержания и смысла в контексте нравственного богословия. Необходимо отметить, что нравственное богословие в отечественной богословской литературе во многом определяется пониманием взаимосвязи догматики и нравственности, иерархичности соотношения догматических и нравственных истин. В исторической ретроспективе принято выделять четыре точки зрения на предмет нравственного богословия с позиции систематизации нравственно-богословских знаний. Так, первая рассматривает христианскую нравственность с позиций учения о добродетели и ее противоположности – грехе, вторая отражает понимание примата идеи Царства Божия, третья связывает ее с учением о спасении, а четвертая опосредуется требованиями нравственного закона Божия. Становлению православного нравственного богословия в конце XVII и XIX вв. противостоял так называемый морализм с характерными для него сведением христианской нравственности к «естественной морали», обмирщением аскетики и возведении догматов к нравственному опыту. Развитие морализма, происходившее на основе протестантской этики и католической моральной теологии, подпитывалось модной в XIX в. идеей универсальности нравственности, ее «взаимной психологической и логической связи» с христианским догматом спасения. Западная ориентация как догматического, так и нравственного богословия стала в этой связи инструментом переоценки классического святоотеческого соотношения нравственности и догматики, что привело к превращению богословия в нравственный монизм [22].

Православное нравственное богословие, как и вся философия русских христианских мыслителей, свидетельствует о том, что постижение сущности внутреннего мира тре-

бует персональных усилий и затрат энергии посредством особой ментальной практики и выхода на трансцендентный уровень бытия. Мифический опыт философии в этих условиях продвигает познание духовности к горизонту инобытия, приближаясь к смыслу духовного дискурса в богословии. Нравственное богословие выступает при этом как обоснование пути к спасению, оправдание подвижнической жизни, ведущей к снисканию благодати. Стяжание духовной жизни и опыт переживания таинств являются главными принципами построения науки нравственного богословия и практики совершенствования нравственной жизни человека. С точки зрения православной церкви, центральным смыслом понятия «духовность» является действие в человеке благодати Святого Духа. Православная духовность – это опыт жизни во Христе, атмосфера нового человека, возрожденного благодатью Божией. Речь идет не об абстрактном эмоциональном и психологическом состоянии, но о единении человека с Богом, то есть духовность – это Богоподобие, а образцом и примером совершенной духовно-нравственной жизни в православии является Иисус Христос.

Основой нравственности, с богословской точки зрения, является то, что выше отвлеченных общих ценностей и добра, а именно личное общение человека с живым личным Богом, Отцом небесным, жизнь по воле Божией и для славы Божией. Христианская нравственность – это жизнь во Христе, жизнь по закону Божию, глубоко сознательное, деятельное и свободное осуществление человеком в своей жизни великих заповедей Христа Спасителя. Христианская нравственность рассматривается в православной церкви как исполнение и завершение естественной нравственности, которая присуща опыту каждого человека и требует своего развития. Учение о совершенствовании христианской нравственности опирается на неповторимость Божественного Откровения, но учитывает также и ценность философского знания. Содержание понятия нравственности в богословии базируется на Священном Писании, и основные связанные с ней положения изложены в 5–7 главах Евангелия от Матфея и Посланиях святого апостола Павла.

В центре любой этической системы стоит человек, и его моральное поведение предполагает выбор между добром и злом. Православное учение о человеке – это достаточно основательно разработанная система

догматического и нравственного (морального) богословия, которое есть не что иное, как толкование и философское осмысление Священного Писания Отцами Церкви. Совершенство и глубина христианского верования открывается человеку по мере его духовного роста, по мере исполнения им евангельских заповедей, а познание Божественной истины освобождает человека от власти греха. При этом даже самая высокая мораль сама по себе не дает сил для исполнения ее требований, и только при содействии благодати Божией человек может стать поистине нравственным. Человек открыт для проявления в нем таинственных действий Святого Духа, которыми озаряется и преображается инертная стихия человеческого естества.

Таким образом, духовность может рассматриваться как системообразующее начало, определяющее организацию и развитие внутреннего мира человека, его интенциональность, и одновременно как главный фактор системы ресурсов совладающего поведения в обеспечении жиз-

нестойкости. Она представляет высший и сложный комплекс неразделяемых духовно-психологических новообразований, которые и есть живой духовный метаобъект – надпсихический феномен, имеющий свою структуру, определяющий качество направленности всех соподчиненных субсистем и различных психических функций (от смыслообразования, выбора ценностей, целеполаганий, установок, веры, доверия, любви, способностей к мифологизации, символизации до самотрансценденции и т. д.). Его организующим истоком и этосом признается Дух как субстанциальное и сущностное начало, определяющее целостность духовного мира человека. Дефицит же духовности порождает множество психических отклонений – от общего девиантного синдрома адаптации до делинквентного поведения [1; 12; 24]. В этой связи в качестве базовой научной парадигмы методологии юридической и пенициарной психологии постулируется метапарадигма духовности, отвечающая принципам постнеклассической философии, психологии и науки в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабуринов С. В., Оботурова Н. С., Чирков А. М. Методология психологического стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 55–66.
2. Бачанин В. А. Философия : энциклопед. словарь. СПб., 2005. С. 88.
3. Воробьева Л. И. Психотерапия в истории психологии: культурно-исторический анализ : дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 26 с.
4. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. 592 с.
5. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2006. 668 с.
6. Ильичева И. М. Введение в психологию духовности. М., 2006. 349 с.
7. Канапацкий А. Я. Онтологическая истинность духовности: феномен и сущность. Уфа, 2003. 200 с.
8. Кондрашов В. А., Чекалов Д. А., Копорулина В. Н. Новейший философский словарь. 2-е изд. Ростов н/Д, 2006. С. 218.
9. Лосский В. Н. Боговидение. Минск, 2007. 495 с.
10. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (Психологическая топология пути). М., 1995. 547 с.
11. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Три беседы о метатеории сознания // Пятигорский А. М. Избр. тр. М., 1996. 590 с.
12. Оботурова Н. С., Чирков А. М. Актуальные проблемы методологии психотерапии осужденных // Приклад. юрид. психология. 2018. № 3. С. 28–36.
13. Оботурова Н. С., Чирков А. М. Философско-антропологические основания психотерапии осужденных // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2018. № 2 (42). С. 97–105.
14. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь–декабрь 2017 г. : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 358 с.
15. Рациональность и ее границы : материалы междунар. науч. конф. / под ред. А. А. Гусейнова, В. А. Лекторского. М., 2012. 233 с.
16. Соловьев Э. Ю. Экзистенциальная сотериология Мераба Мамардашвили // Мераб Константинович Мамардашвили / под ред. Н. В. Мотрошиловой. М., 2009. 438 с.
17. Сочивко Д. В. Духовно ориентированный подход в рамках гештальт-терапии: формирование понятийного аппарата // Консультатив. психология и психотерапия. 2008. № 3. С. 19–35.
18. Сочивко Д. В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Приклад. юрид. психология. 2011. № 2. С. 8–18.
19. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.
20. Тонконогов А. В. Обеспечение духовной безопасности в современной России : моногр. М., 2011. 211 с.
21. Фельдштейн Д. И. Человек в современном мире: тенденции и потенциальные возможности развития. М. ; Воронеж, 2008. 15 с.
22. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М., 2009. 848 с.
23. Черновитов Е. В. Специальная социальная медицина : учеб. пособие для вузов. М., 2004. 704 с.
24. Чирков А. М. Системогенез стрессовой адаптации осужденных // Психопедагогика в правоохранит. органах. 2018. № 1 (72). С. 40–46.

REFERENCES

1. Baburin S. V., Oboturova N. S., Chirkov A. M. Metodologiya psihologicheskogo stressa u sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij i osuzhdennyh [Methodology of psychological stress among correctional officers and convicts]. Vestn. in-ta:

- prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2014. Iss. 4 (28). P. 55–66. (In Russ.).
2. Bachanin V. A. *Filosofiya : ehncikloped. slovar'* [Philosophy : Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 2005. P. 88. (In Russ.).
 3. Vorob'eva L. I. *Psihoterapiya v istorii psihologii: kul'turno-istoricheskij analiz : dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychotherapy in the history of psychology: a cultural-historical analysis : the diss. ... PhD. in Psychology]. Moscow, 2016. 26 p. (In Russ.).
 4. Zinchenko V. P. *Soznanie i tvorcheskij akt* [Consciousness and creative act]. Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.).
 5. Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of religious experience]. Moscow, 2006. 668 p. (In Russ.).
 6. Il'icheva I. M. *Vvedenie v psihologiyu duhovnosti* [Introduction to the psychology of spirituality]. Moscow, 2006. 349 p. (In Russ.).
 7. Kanapackij A. YA. *Ontologicheskaya istinnost' duhovnosti: fenomen i sushchnost'* [Ontological truth of spirituality: phenomenon and essence]. Ufa, 2003. 200 p. (In Russ.).
 8. Kondrashov V. A., CHEkalov D. A., Koporulina V. N. *Novejshij filosofskij slovar'* [The newest philosophical dictionary. 2nd ed.]. Rostov-on-Don, 2006. P. 218. (In Russ.).
 9. Losskij V. N. *Bogovidenie* [Godvision]. Minsk, 2007. 495 p. (In Russ.).
 10. Mamardashvili M. K. *Lekcii o Pruste (Psihologicheskaya topologiya puti)* [Lectures on Proust (Psychological topology of the way)]. Moscow, 1995. 547 p. (In Russ.).
 11. Mamardashvili M. K., Pyatigorskij A. M. *Tri besedy o metateorii soznaniya* [Three Conversations on the Metatheory of Consciousness]. Pyatigorskij A. M. Izbr. tr. [Selected Works]. Moscow, 1996. 590 p. (In Russ.).
 12. Oboturova N. S., CHirkov A. M. *Aktual'nye problemy metodologii psihoterapii osuzhdennykh* [Actual problems of the methodology of psychotherapy of convicts]. *Priklad. yurid. psihologiya – Applied legal psychology*. 2018. Iss. 3. P. 28–36. (In Russ.).
 13. Oboturova N. S., CHirkov A. M. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya psihoterapii osuzhdennykh* [Philosophical-anthropological foundations of psychotherapy of convicts]. *Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. 2008. Iss. 2 (42). P. 97–105. (In Russ.).
 14. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy za yanvar'–dekabr' 2017 g. : inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system for January–December 2017 : information and analytical compendium]. Tver, 2018. 358 p. (In Russ.).
 15. *Racional'nost' i ee granicy : materialy mezhdunar. nauch. konf. / pod red. A. A. Gusejnova, V. A. Lektorskogo* [Rationality and its boundaries : materials of the Intern. scientific conf. : ed. by A. A. Guseinov, V. A. Lektorsky]. Moscow, 2012. 233 p. (In Russ.).
 16. Solov'ev EH. YU. *EHkzistencial'naya soteriologiya Meraba Mamardashvili* [Existential Soteriology by Merab Mamardashvili]. Merab Konstantinovich Mamardashvili / pod red. N. V. Motroshilovoj [Merab Konstantinovich Mamardashvili : ed. by N. V. Motroshilova]. Moscow, 2009. 438 p. (In Russ.).
 17. Sochivko D. V. *Duhovno orientirovannyj podhod v ramkah geshtal't-terapii: formirovanie ponyatijnogo apparata* [A Spiritually Oriented Approach in the Framework of Gestalt Therapy: the Formation of a Conceptual Apparatus]. *Konsul'tativ. psihologiya i psihoterapiya – Consultative psychology and psychotherapy*. 2008. Iss. 3. P. 19–35. (In Russ.).
 18. Sochivko D. V. *Problema metodologii prikladnoj (yuridicheskoy) psihologii* [The problem of the methodology of applied (legal) psychology]. *Priklad. yurid. psihologiya – Applied legal psychology*. 2011. Iss. 2. P. 8–18. (In Russ.).
 19. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, 2000. 744 p. (In Russ.).
 20. Tonkonogov A. V. *Obespechenie duhovnoj bezopasnosti v sovremennoj Rossii : monogr.* [Ensuring Spiritual Security in Modern Russia : monogr.]. Moscow, 2011. 211 p. (In Russ.).
 21. Fel'dshtejn D. I. *CHelovek v sovremennom mire: tendencii i potencial'nye vozmozhnosti razvitiya* [Man in the modern world: trends and potential development]. Moscow ; Voronezh, 2008. 15 p. (In Russ.).
 22. Florovskij G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Moscow, 2009. 848 p. (In Russ.).
 23. CHernosvitov E. V. *Special'naya social'naya medicina : ucheb. posobie dlya vuzov* [Special Social Medicine : tutorial for universities]. Moscow, 2004. 704 p. (In Russ.).
 24. CHirkov A. M. *Sistemogenez stressovoj adaptacii osuzhdennykh* [System genesis of stress adaptation of convicts]. *Psihopedagogika v pravoohranit. organah – Psychopedagogy in law enforcement*. 2018. Iss. 1 (72). P. 40–46. (In Russ.).